

Первый шестидесятник

(Окончание. Начало на стр. 1)

Упругость жанра

— Тогда и появилось выражение «шестидесятники»?

— Оно возникло в связи с «Коллегами», и его первым употребил критик Станислав Рассадин. На тот знаменитый вечер «Юности» принесли свежие номера «Литгазеты», где впервые Стасик писал: «Перед вами новые ребята, шестидесятники».

— Валентин Петрович вас тоже причислял к «мовистам»?

— Нет, к ним он относил Толку Гладилу и себя. Он говорил: «Это я и мой друг Гладилин... Все уже пишут хорошо, а мы пишем плохо». С понтом, разумеется, — от французского «мове». Такая вот игра литературная. У самого Валентина Петровича в последние полтора десятилетия его жизни после большой операции и депрессивного состояния вдруг началось колоссальное оживление: он опубликовал целый цикл малых романов, включая «Святой колодез», — лучшее, что Катаев когда-либо написал, а он повторял: «Это плохо».

— Какие из ваших 23 книг вы считаете наиболее значительными? Какие из них, на ваш взгляд, войдут в «сакровишницу» отечественной литературы?

— Я бы сказал, что это серия моих больших романов, начиная с «Ожога», который и сейчас для меня, пожалуй, является одной из ключевых вещей для целого периода жизни не только моей, но и страны, и мира — в смысле их отражения. Сразу после этого я стал писать «Остров Крым», и, по сути дела, уехал из Советского Союза, спасая эти два романа. Это было вовсе не из-за «Метрополя», а под давлением определенной организации, которая хотела закрыть «Ожог» и, разумеется, «Остров Крым». Потом пошли романы, написанные в эмиграции, — «Скажи изюм», «Бумажный пейзаж», «В поисках грустного бэби»... Да я уже забыл, столько всего навалилось... «Новый сладостный стиль», «Московская сага», «Кесарево свечение» и все такое. Эти книги определяют для меня новую ступень, новую философию романа и мою собственную. Они, конечно, стоят несравненно выше моих молодых вещей.

— Как вы сформулировали бы вашу философию романа?

— В этом смысле мне очень много помог американский университет, где я в течение долгих лет читал курс романа. У меня был семинар под названием «Современный роман — упругость жанра». И я очень много говорил о литературе, в основном российской, и о том, что в молодые годы нам было недостаточно, — типа всяких опоязовских вещей (Опояз — Общество изучения поэтического языка. — Ю.К.), Шкловского, Эйзенбаума, Тынянова, а главное — Бахтина. Последние несколько лет я читаю курс «Два столетия русского романа», в котором идет не только хронология, но развитие этого жанра. Я прихожу сейчас к довольно пессимистическому взгляду. Мне кажется, что тот роман самовыражения, который я пишу, вырождается — не сам по себе, а вырождается отношение к нему публики, он выходит в зону упадка. Меньше интереса вот к такому байроническому роману, а без байронизма, на мой взгляд, вообще нет никакого развития. Это уже чистая коммерция. И я в своем курсе объясняю, что роман возник на базаре как средство развлечения. Публику даже не интересовало, кто написал, не существовало сам институт авторства, романы были анонимные. Они блуждали из страны в страну и появлялись на рынках. Отсюда и название — роман, любовная история. Кричали зазывалы «Novel, novel!» — то есть новинка, давайте покупайте. А потом в конце XVIII — начале XIX века этот жанр захватила элита, аристократия, байрониты, и началось изощренное развитие психологического, романтического, самовыраженческого романа. Это и Пушкин, и, между прочим, как ни странно, и Гоголь, и, в общем, Достоевский — хотя он и антибайронит... Такое развитие привело к модернизму, к экспериментальному и к авангардному романам, которые, может быть, являются высшим проявлением байронического начала. С середины XX века в связи с развитием новых общественных структур, появлением нового рынка, новой коммерции, новой массовой книжной продукции роман начал возвращаться туда, откуда он пришел, — на базар, уже современный, электронный, с массовыми тиражами, яркими обложками, с колоссальной рекламой и с забавлением мозгов. Когда люди приходят в супермаркет и покупают килограмм стейков на неделю и пару романов...

— У нас литература тоже «обзарилась»?

— В России литература не вполне еще коммерциализировалась, но и там эта тенденция начинает преобладать...

— Кто же сейчас у нас последние байрониты?

— Ваш покорный слуга, а рядом довольно много. Недавно я прочел два романа: Евгения Полова и Александра Кабакова — типичные байронические романы. Оба они представляют, на мой взгляд, большую художественную удачу, но обременены на провал с точки зрения рынка.

— У нас литература тоже «обзарилась»?

— В России литература не вполне еще коммерциализировалась, но и там эта тенденция начинает преобладать...

— Кто же сейчас у нас последние байрониты?

— Ваш покорный слуга, а рядом довольно много. Недавно я прочел два романа: Евгения Полова и Александра Кабакова — типичные байронические романы. Оба они представляют, на мой взгляд, большую художественную удачу, но обременены на провал с точки зрения рынка.

— У нас литература тоже «обзарилась»?

— В России литература не вполне еще коммерциализировалась, но и там эта тенденция начинает преобладать...

— Кто же сейчас у нас последние байрониты?

— Ваш покорный слуга, а рядом довольно много. Недавно я прочел два романа: Евгения Полова и Александра Кабакова — типичные байронические романы. Оба они представляют, на мой взгляд, большую художественную удачу, но обременены на провал с точки зрения рынка.

— У нас литература тоже «обзарилась»?

— В России литература не вполне еще коммерциализировалась, но и там эта тенденция начинает преобладать...

— Кто же сейчас у нас последние байрониты?

— Ваш покорный слуга, а рядом довольно много. Недавно я прочел два романа: Евгения Полова и Александра Кабакова — типичные байронические романы. Оба они представляют, на мой взгляд, большую художественную удачу, но обременены на провал с точки зрения рынка.

— У нас литература тоже «обзарилась»?

— В России литература не вполне еще коммерциализировалась, но и там эта тенденция начинает преобладать...

— Кто же сейчас у нас последние байрониты?

— Ваш покорный слуга, а рядом довольно много. Недавно я прочел два романа: Евгения Полова и Александра Кабакова — типичные байронические романы. Оба они представляют, на мой взгляд, большую художественную удачу, но обременены на провал с точки зрения рынка.

— У нас литература тоже «обзарилась»?

— В России литература не вполне еще коммерциализировалась, но и там эта тенденция начинает преобладать...

— Кто же сейчас у нас последние байрониты?

— Ваш покорный слуга, а рядом довольно много. Недавно я прочел два романа: Евгения Полова и Александра Кабакова — типичные байронические романы. Оба они представляют, на мой взгляд, большую художественную удачу, но обременены на провал с точки зрения рынка.

— У нас литература тоже «обзарилась»?

— В России литература не вполне еще коммерциализировалась, но и там эта тенденция начинает преобладать...

— Кто же сейчас у нас последние байрониты?

— Ваш покорный слуга, а рядом довольно много. Недавно я прочел два романа: Евгения Полова и Александра Кабакова — типичные байронические романы. Оба они представляют, на мой взгляд, большую художественную удачу, но обременены на провал с точки зрения рынка.

онида Красина — «Любовь к электричеству» в серии «Пламенные революционеры», который я собираюсь издать.

— После двух десятилетий жизни в Соединенных Штатах, перебравшись на Старый континент, вы ощущаете себя европейцем?

— Я чувствую себя человеком современного мира, в основном россиянином, русским писателем, в силу судьбы живущим и в Америке, и во Франции.

— Как идет работа над новой книгой о 1764 году в европейской истории?

— В течение полутора лет я собирал материал, и только сейчас я чувствую себя готовым начать. Надеюсь, я не буду врать в историческом смысле, но там будет много художественной лжи. Это не реалистический роман.

— Место действия Россия или Европа?

— И то, и другое. Будет и Франция, включая картины Парижа, описание спектакля в «Комеди Франсез», а также Прибалтика, Голштиния, замок на каком-то острове, русские поместья провинциальных дворян. Флот, фрегаты, бессмысленные баталии — что-то типа 7-летней войны, прусская и русская тайная службы в причудливых сплетениях. Вольтер, странные персонажи и т.д.

— Помните, вы называли Льва Толстого одним из ваших любимых писателей — кроме слишком мелодраматической «Анны Карениной»...

Слева направо: Виктор Ерофеев, Василий Аксенов и Евгений Носов. Первый приезд из Америки.

— Когда лет в 13 я принялся читать «Войну и мир», то был заворочен батальными сценами, картинами отражения жизни, магией литературы. Потом надолго я отступил от Толстого прежде всего потому, что мне, видимо, казалось, что у него недостаточно иронии, во власти которой я тогда был. И меня очень «купил» Достоевский своей иронической интонацией, фразой.

— Но ирония есть прежде всего у Гоголя...

— Уж о Гоголе и говорить нечего — он долгое время был моим полнейшим кумиром. Он выбивался из того, что называется литературным мейнстримом того времени. Гоголь родился либо слишком рано, либо слишком поздно. Я легко его вижу рядом с Рабле — то есть на три столетия раньше, или в Петербурге начала XX века. Он все еще не оценен Западом, который знает три имени — Толстой, Достоевский и Чехов. Гоголь — творец метода сказа, который открыли и принесли в ишущие творческие круги Запада именно опоязовцы. Когда я читаю своим студентам про Опояз, они открывают рты, потому что нигде такой информации не получают.

— Остается ли в России, несмотря на все последние потресания, особое отношение к писателю? Он все еще у нас пророк, мессия? Хорошо это или плохо?

— Несомненно, хотя сейчас безусловно меньше. И, видимо, с развитием рынка в России это будет уменьшаться и дальше. И не надо очень сильно по этому поводу гравать — идет процесс, в котором мы ничего не можем поделать.

— Вы имеете в виду и поэзию?

— Нет, поэзия как была, так и останется — она очень древний человеческий жанр. Это камлание... Когда человек в пещере начал подниматься в вертикальную позицию и видеть звезды вместо обильных растерзанного мамонта, он начал что-то бормотать и от восторга подвывать — вот это и есть поэзия. А роман — сугубо капиталистическое дело... Жанр выебонского романа возвращается на круги своя, чтобы совсем преобразиться. Ну а на тех, кто остался с этим выебонским романом, крест нельзя еще ставить. Нужно просто искать новую аудиторию, гораздо уже, новый способ прочтения, создавать какой-то гипертекст, быть может, внутри Интернета и приглашать особого читателя, читателя-соавтора, который бы им провизировал на основном тексте.

— Звериная серьезность к бумагомаранию

— Помните, в советские времена у вас была несмыслимая репутация стиляги...

— Молодая репутация очень устойчива, и сейчас держится упорно (смеется) — уже не знаю, на чем она основана.

— А потом вы переродились в антисоветчика...

— Нет, слова «стиляга» и «антисоветчик» идут через черточку. Или джинсы, например. Одно время меня называли одним из главных литераторов в джинсах. Надо сказать, что джинсы как одежду я не люблю и

только года полтора шеголял в них в 60-е годы, когда их было мало.

— Напомните, пожалуйста, при каких обстоятельствах вам пришлось покинуть Советский Союз. Вас изгнали или вы уехали?

— Много было приходящих обстоятельств... Меня изгнали, а для меня это была причина, чтобы попытаться спасти два романа... В принципе, как ни смешно, я и из Америки уезжаю, чтобы спасти свои романы. Совсем другая среда, разумеется. В Советском Союзе мною занимались слишком плотно, КГБ преувеличивало значение литературы, которая вовсе не так серьезна, не так важна, как им казалось. А в Америке, наоборот, это значение преуменьшается, на нее никто не обращает внимания. И возникает, как это ни парадоксально, некий схожий момент, когда ты понимаешь, что тебе надо уехать из этой среды, чтобы спасти себя как писателя в данном случае.

— То есть вы себя сейчас спасаете второй раз...

— Не в том смысле, что это так уж драматически, но речь идет обо мне как о пишущей творческой личности... Для меня, для моего жанра сейчас гораздо важнее сузить мою аудиторию, а не расширять. Но ощущение себя как писателя очень важно, а в Штатах я перестаю им быть. Я там просто пенсионер, хотя еще не вышел в отстав-

— СМИ в России молодые и довольно бурлящие, они демонстрируют большую отзывчивость и в выдумке, и в подходе к проблемам. Другое дело, что есть попытка опять все запрячь, опять загнать в какой-то стереотип, и против этого надо сопротивляться. Россия сейчас открыта на все стороны, и она может пойти либо в сторону либерализма, либо очень резко — и это очень опасно — в сторону возникновения не коммунистического, но страшного национально-клерикального общества... Наша доминирующая религия — православие, с моей точки зрения, не оправдала тех надежд, которые мы на нее возлагали. В период тоталитарного атеизма мы все — если можно так грубо сказать — молились на религию и с ней связывали наше освобождение. И вдруг мы сейчас наблюдаем, что православие становится некоей антигуманитарной, антиинтеллигентской силой. И я не раз видел, как в Москве на телевидении заседают бабushки и иерархи и начинают довольно грамотным языком выстраивать эту антиинтеллигентскую идею. Они готовы соединиться с кем угодно — только лишь бы противопоставить себя Западу. Очень часто православие изображается единственным христианским течением... У нас в России многие считают, что католики — это не христиане.

— Появились отечественные аятоллы?

— Аятоллы — с такими же бородами. Это,

если говорить, немаловажная вещь. Если бы бороды укоротились, то, может, расширилось бы мировоззрение... И нам надо отказаться от слова «ЧК» и не гордиться им. Оно ругательно. Гестапо и ЧК — одно и то же.

Нало, чтобы меняться мировоззрение этих людей, чтобы они оторвали себя от этой опасной 70-летней традиции, привязали бы себя хотя бы к царю...

— Писать в Биаррице, вести беседы в Москве

— Вы убежденный западник. Много ли у вас в России единомышленников?

— Как ни странно, мне кажется, что немало, много и противников. Кстати, русские стали на Западе очень заметны. Они часто ходят здесь с какими-то освещенными лицами, да и в Москве другие люди появились...

— А, может, западным путем в состоянии идти только западные люди, так же как китайским — люди китайские?

— Японцы — люди очень восточные, а идут очень западным путем. Япония — первая страна, которую я посетил туристом в 1962 году. Меня японские журналисты спрашивали: «А вы первый раз на Западе?»

Странно, подумал я, с каких это пор Япония стала находиться к Западу от России. Да и вообще понятия «Запад и Восток», «левые и правые» уже отжившие. Надо искать какие-то другие обозначения в мировоззрении...

Ну а Россия может сомкнуться с Западом так же, как и с Востоком, под которым я не подразумеваю Китай, по отношению к которому она может стать только колонией. Россия может сомкнуться на основе так называемой евразийской идеи с исламом. И очень странно видеть, когда многие православные иерархи все чаще говорят о сближении с исламом, и это на фоне того, что происходит сейчас в мире.

— Вы не только западник, но и либерал. Если бы вас пригласили, вы вступили бы в «Либеральную Россию»?

— Я вступил бы в любую либеральную партию, кроме ЛДПР Жириновского.

— Западные политические прагматики дали Кремлю, который сейчас нужен в качестве союзника, индульгенцию за Чечню...

— Война в Чечне неоднозначна. Была бы моя воля — я бы открыл все двери и сказал: «Не хотите вместе с нами жить, выветривайтесь к чертовой матери!» Но в Чечне в начале 90-х годов возникло — давайте называть вещи своими именами — правительство бандитов.

— Мы сближемся с Америкой, а Путин и Буш — кореша...

— Трудно предположить между политиками искреннюю, задушевную дружбу. Вначале дружат как главы стран, а когда одного не выберут, табачок оказывается врозь. С какой стати им особенно любить друг друга? Владимир Владимирович в гольф не играет, а Буш на лыжах с горы не катается.

— К сожалению, Европа, в которую вы переебрались, в военно-политическом отношении обречена на роль карлика...

— Я так не думаю. В военном плане Европа — это часть блока с Америкой. Они никогда себя не противопоставляют. Это все равно, что сейчас вообразить войну Англии и Франции, хотя несколько веков назад не было ничего более естественнее, чем война этих стран. Европа не будет восвать с Америкой...

— Америка будет теперь воевать одна — как это было в Афганистане и, видимо, случится в Ираке. Ей никто не нужен...

— Все супердержавы имеют тенденцию к распаду, и Америка не исключение. Я надеюсь, что какие-то мозговые центры разработают плавный переход из супердержавной ситуации в более естественный союз государств, объединенных одной философией, — философией либерализма, демократии и свобод... Мы все-таки лицемерим, не называем вещи своими именами и считаем политически некорректным говорить об этническом факторе, а он присутствует. И на Россию Запад смотрит подосудительно как на часть своего этноса. Приезжая в Россию, я поражаюсь тому, что находится в огромной белой стране. Это меня удивляет после пестроты Америки или Парижа. Такого большого белого мегаполиса, как Москва, в мире не осталось. Белая раса особенно с теперешними вызовами мирового экстремизма должна осознать свое историческое место. Не думайте только, что я за какое-то белое превосходство. Но все основные ценности все-таки созданы на этом сильно изрезанном континенте, а не на каких-то просторах пустыни или в местах, слишком покрытых растительностью.

— Перебравшись в Биарриц, вы теперь на полпути из Америки в Москву. Не собираетесь со временем туда перекочевать окончательно?

— Я там уже обосновался — у меня дом. У меня идея такая: в Биаррице я буду писать — французский язык плохо, мне не с кем тут болтать, а когда захочется говорить, буду приезжать в Москву.

— Теперь поездки в Россию, где вы так часто бываете, стали рутинной. Не то, что в начале 90-х годов...

— Да, я просто еду по одному или другому делу. Приезжаю, иду менять деньги, покупать продукты, раскошегаривать машину. Это теперь для меня не какой-то переход линии судьбы.

— Не было ли болезненным расставание с Америкой, где вы прожили больше двух десятилетий?

— Это очень серьезный вопрос, и я не исключаю, что буду по ней скучать, но отнюдь не по ее издательствам. Скучать по обычным американцам, которые на самом деле очень доброжелательны и милы. В обиходе они такие кореша. Врачи, рабочие, служащие на бензоколонках — отличные ребята. Или когда сталкиваешься с полицейскими и ты не какой-то совсем уж гад, то они ведут себя очень приятно по отношению к тебе.

— Из-за стола — на голову

— Успели ли вы обжить в Биаррице, куда неведывались российские великие князья, а также Чехов, Набоков, Стравинский? Внушительный племянник Мережковского Александр де Серда создал общество «Баскское побережье — Россия», и сегодня он российский почетный консул в Биаррице...

— Пока круг общения не сложился... Здесь очень мило, только подвигается какая-то колоссальная подлянка. Не произошло ли в мире изменения климата? Второе лето подряд в Биаррице сплошная влага. Мало солнца и мало тепла, что очень тревожно. В окне тащутся с Бискайского залива серые, низкие тучи. Но когда погода меняется, появляются блики, и над нашим пляжем разыгрывается небесная драматургия, солнечные лучи падают на океан, и получается, как в живописи, великолепная картина...

— С кем из великих вы бы предпочли оказаться на необитаемом острове? Вы, конечно, стали бы Робинзоном, а его держали бы на положении Пятниш...

— На положении раба или на положении негра — чтобы писал? Вообще-то я не хотел бы оказаться рядом с писателем. Если уж с писателем, то должна быть какая-то компания — я приветствовал бы опоязовцев — Бахтина, Шкловского, других интеллектуалов. Я жалею, что мало увлекся в юности интеллектуализмом, мне этого теперь не хватает, и уж слишком много стилижничал.

— Ну а не хотелось бы вам с автором «Лолиты» поохотиться на бабочек?

— Я бы никогда не стал их терзать... Да и говорят, что Набоков в общении был не очень-то покладистый.

— Вы перевезли в Биарриц свои рукописи и архивы?

— Нет еще. Мы постепенно перебираемся. Мы под Вашингтоном будем продавать дом, покупать квартиру поменьше, перевозить библиотеку — часть в Биарриц, а часть в Москву.

— Недавно все прогрессивное человечество отпраздновало 200-летие со дня рождения Александра Дюма, прах которого скоро перенесут в Пантеон. Как пройдет 200-летний юбилей Василия Аксенова?

— Не знаю, вспомню ли... Принесут и повесят какие-нибудь фальшивые джинсы, скажут, что Аксенов ходил в них все время. Будут говорить, что был он такой стилиага... Знаете, когда Дюма путешествовал по Грузии, ему подарили штаны. Он сказал какому-то грузину: «Какие на вас красивые штаны!» Тот тут же снял и отдал.

— Это были джинсы?

— Не джинсы, но все в серебре...

— Василий Павлович, что вы себе самому желаете по случаю 70-летия?

— Поместье вспоминать эту цифру. К сожалению, не получится, но чтобы в оставшееся мне время — не знаю, сколько его будет — по крайней мере меньше о ней думать. И больше работать.